



## КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

### НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ЭПОСУ НАРОДОВ СИБИРИ И КРАЙНЕГО СЕВЕРА (1965—1969)

Последние пятнадцать лет были отмечены исключительными результатами в области собирания и изучения памятников народного эпического искусства. На наших глазах сформировалась целая отрасль фольклористики — эпосоведение. Были вновь открыты и введены в научный и культурный обиход эпосы отдельных народов. Существенно продвинулась разработка проблем генезиса, исторических корней и развития эпоса как специфического вида народного искусства. В нашей науке успешно преодолеваются вульгаризаторство в понимании народности эпоса, наивно-упрощенное толкование эпического историзма, иллюстративный подход. Эпические памятники исследуются в тесной связи с изучением быта и социальных институтов народной жизни, с учетом новейших достижений и поисков этнографической науки.

На фоне несомненных успехов эпосоведения особенно заметно досадное отставание в области научной публикации эпических памятников, недостаток научных переводов их на русский и другие европейские языки, почти полное отсутствие публикаций нотной записи эпических напевов, недостаток монографических исследований по эпосу отдельных народов, а также исследований широкого сравнительного плана.

Советская фольклористика в отношении эпоса находится в особо благоприятном положении, потому что у многих народов нашей страны эпос сохраняется (либо сохраняется до самого недавнего времени) в живых формах. Это обстоятельство позволяет нам ставить и конкретно разрабатывать чрезвычайно важные и интересные проблемы — бытование эпоса, отношение к эпосу в народной среде, искусство эпических певцов, эпос и быт и многие другие. Одна из актуальных задач науки состоит в том, чтобы провести как можно больше наблюдений над жизнью эпоса, над особенностями его исполнения, передачи, усвоения и т. д. Живой эпос угасает повсюду, хотя степень интенсивности этого процесса у разных народов различна. Именно поэтому нельзя ждать. Фронт исследований сегодня должен быть как можно шире, только в этом случае наука получит ценнейшие материалы, утрата которых уже завтра, быть может, станет невозможной.

Эпос каждого народа — явление национальное, вместе с тем эпическое творчество характеризуется многими общими типологическими закономерностями. Недаром современные специалисты по Гомеру, стремясь понять его поэмы, обращаются к живому эпосу, еще сохраняющемуся в наше время у многих народов. В эпосоведении сравнительно-исторические аспекты особенно важны и органичны. Все, что найдено и выявлено в связи с кругом памятников (или даже одним памятником) какого-либо народа, приобретает общее значение, поскольку может способствовать выяснению принципиальных закономерностей и специфических особенностей эпического творчества.

В этом плане самого пристального внимания заслуживают работы последних лет, связанные с собиранием, изучением, публикацией и переводами памятников эпоса народов Сибири и Крайнего Севера. Памятники эти представляют интерес в разных аспектах: и как существенная составная часть фольклора (и шире — духовной культуры) тех народов, которым они принадлежат; и как ценный историко-этнографический источник, содержащий прямые или косвенные данные об этногенезе, ранних стадиях и этапах развития народов, сохраняющий свидетельства об утраченных (или пройденных) сторонах быта, социально-бытовых отношениях и институтах прошлого. С точки зрения общего (или сравнительного) эпосоведения памятники эти представляют исключительный интерес, так как в них запечатлены относительно ранние этапы эпического творчества, а в историко-типологическом отношении одни из них стоят как бы у истоков эпического творчества, другие же сохранили его архаические черты. Памятники эти — нередко живое выражение сложных и длительных процессов, происходивших в

эпическом творчестве, существенных сдвигов, трансформаций и наслоений в нем, вместе с тем свидетельствуют о необычайной прочности эпических традиций. Наконец, совершенно исключительный интерес для общего эпосоведения представляют живые хранители и носители эпоса. В их творчестве, технике исполнения, искусстве усвоения, запоминания и передачи произведений эпоса, несомненно, преломились и получили конкретные формы общие закономерности эпического искусства. Поэтому самое тщательное и всестороннее изучение сибирских и северных сказителей, основанное на максимальном учете живых реальных данных, может во многом способствовать разгадке этого замечательного, во многом еще непознанного, феномена народной культуры, имя которому — эпический певец.

Цель настоящего обзора, ограниченного рамками последнего пятилетия и отнюдь не претендующего ни на библиографическую полноту, ни на обстоятельные характеристики вышедших работ, состоит прежде всего в том, чтобы с точки зрения современного общего эпосоведения взглянуть на основные направления, результаты и ведущие тенденции в изучении эпических памятников Сибири и Крайнего Севера.

\* \* \*

Хотелось бы отметить прежде всего появление первоклассных в научном отношении изданий отдельных памятников народного эпоса<sup>1</sup>. Издания эти, в сущности, заново открывают эпосы целого ряда народов и закладывают прочный фундамент их изучения. В первую очередь должна быть названа книга об эвенкийском эпосе<sup>2</sup>. Героические сказания эвенков — нимгакан — до сих пор были известны мало, лишь по нескольким разрозненным публикациям. Теперь перед нами фундаментальный научный свод произведений этого жанра — двадцать текстов, отражающих эпический репертуар всех основных групп эвенков<sup>3</sup>. Сказания записывались в течение двадцати пяти лет Глафирой Макарьевной Василевич, чьи исследования в области этнографии, языка и фольклора эвенков заслужили всеобщую известность. Запись, перевод и двуязычная публикация текстов осуществлены на высоком филологическом уровне и в соответствии с современными требованиями фольклорной текстологии. Это позволяет фольклористам, не владеющим тунгусскими языками, пользоваться книгой как надежным источником и привлекать опубликованные в ней тексты для историко-фольклорных исследований. К ценным качествам сборника надо добавить еще наличие нотаций, выполненных специалистом по народной музыке Б. М. Добровольским и снабженных весьма квалифицированными пояснениями. Столь же высокой оценки заслуживают и довольно пространственные комментарии к текстам. В них читатель найдет и толкование отдельных терминов, оставленных без перевода, и исторические и этнографические пояснения, и сведения об особенностях исполнения, а кроме того, — замечания, относящиеся к подробностям содержания эпоса. В комментариях особенно отчетливо сказалось то обстоятельство, что в лице Г. М. Василевича счастливо соединяются собиратель фольклора и вдумчивый этнограф — полевой работник и серьезный исследователь.

Во вступительной статье Г. М. Василевич трактует эвенкийские нимгакан как «своего рода зародыш эпоса» (стр. 6). Такая отчасти полемическая трактовка имеет серьезные основания. В собранном и опубликованном ею материале Г. М. Василевич выделяет две основные группы, различающиеся в типологическом отношении: сказания восточных эвенков, которые в большей степени приближаются собственно к эпосу, и сказания зейско-алданские, стоящие ближе к богатырским сказкам. Относительно первых устанавливается немаловажный факт их общности с эпосом якутов и бурятов. По мнению Г. М. Василевич, «общие поэтические традиции складывались в глубокой древности, когда тюрко- и монголоязычные племена были такими же охотниками, как и тунгусоязычные, и скотоводство у них еще только зарождалось». И лишь позже развитие эпоса народов пошло самостоятельным путем (стр. 13). Таким образом, близость эпоса разных народов основывается на типологической общности традиций, в основе которой, в свою очередь, лежит единство историко-этнографического характера.

Г. М. Василевич отмечает далее, что самостоятельный путь развития эпоса привел к большому различию в поэтике, сюжетике, героях и т. д. Замечу, что характеристика этих различий (стр. 13—15) несколько фрагментарна, она касается отдельных элементов, то более, то менее существенных, но не захватывает эпических систем в целом.

<sup>1</sup> Оставляю за пределами данного обзора издания эпоса для широкого читателя, имеющие в первую очередь литературное и культурное значение, — поэтические переводы и прозаические переложения на русский язык. Они требуют прежде всего литературно-критического анализа (см., например, превосходно оформленную книгу «Гэсэр. Бурятский героический эпос». Перевод с бурятского С. Липкина. Подстрочный перевод и предисловие А. Уланова, М., 1968).

<sup>2</sup> Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич, М. — Л., 1966.

<sup>3</sup> Обзор преданий (43 номера) не входит в нашу задачу. Замечу лишь, что они представляют исключительный интерес для исследователей исторической народной прозы, помогая понять ранние этапы ее развития.

Предстоит еще работа по широкому соотнесению эвенкийских сказаний с другими эпическими системами, по выяснению их художественной специфики, установлению их типологии. Книга Г. М. Василевич создает отличные предпосылки для дальнейших исследований и сама является важнейшей ступенью в изучении эвенкийского эпоса.

В недавней своей новой работе по этнографии эвенков Г. М. Василевич частью обобщает свои прежние наблюдения над эпосом, частью приводит дополнительные данные о характере его связей с историей и бытом народа, а также использует отдельные элементы эпоса в главах, посвященных собственно этническим проблемам<sup>4</sup>.

К рассмотренному выше сборнику эвенкийских сказаний близко стоит по типу и значению сводное издание памятников ненецкого эпоса<sup>5</sup>. Оно также осуществлено на двух языках, выполнено примерно по тем же текстологическим принципам, в нем также даны нотные записи, публикация которых сопровождается статьей Б. М. Добровольского. Примечания и словарь хотелось бы видеть более подробными, но ведь объем их не всегда зависит от желаний автора.

Хотя образцы ненецких эпических песен уже издавались в разное время, труд З. Н. Куприяновой, в сущности, впервые по-настоящему дает представление о жанровом и сюжетном составе ненецкого эпоса, позволяя ощутить его своеобразие и подойти к проблемам его генезиса и исторического развития. З. Н. Куприяновой удалось дать свой ответ на основные вопросы, связанные с историей эпоса ненцев. Он возник, по ее мнению, «на разных этапах разложения родового строя». Один эпический жанр — судбабц «связан с ранним периодом разложения патриархально-родовых отношений», другой жанр — ярабц появляется на позднейшем этапе этого длительного процесса (стр. 55). Очень важна высказанная З. Н. Куприяновой мысль о том, что эпос ненцев, в определенной своей части идеологически связанный с отношениями родового строя, был как бы направлен на его укрепление и идеализацию (стр. 55). Исследователям предстоит еще многое сделать для уяснения типологии ненецкого эпоса и для изучения отдельных его сторон и особенностей<sup>6</sup>.

Попутно следует заметить, что с научной публикацией эпоса народов Севера дело обстоит далеко не благополучно. В недавнем своем обзоре З. Н. Куприянова рассказала об энтузиастах-собираателях, благодаря которым выявлены ценнейшие материалы по фольклору ненцев, иганасанов, энцев, селькупов, хантов, манси. К сожалению, в научный оборот эти материалы поступают плохо, да и состояние их научного хранения вызывает тревогу<sup>7</sup>.

Издание эпических памятников на языке оригинала (с точным соблюдением научных принципов) и в параллельном научном переводе на русский язык — одна из самых насущных задач современного эпосоведения. Только такие издания по-настоящему вводят эпос в научный оборот, обеспечивают возможность его всестороннего изучения, создают предпосылки для дальнейшей его литературной популяризации. В этом плане заслуживает всяческой поддержки опыт Бурятского института общественных наук, в стенах которого осуществлена подготовка двуязычного научного издания эпического памятника «Еренсей», до сих пор известного лишь на языке оригинала<sup>8</sup>.

Поскольку научный аппарат этой книги содержит лишь небольшие (хотя и весьма ценные) примечания, можно пожелать, чтобы уже в ближайшее время появилось специальное исследование о монументальном улигере, насчитывающем девять с половиной тысяч стихов.

Поучительным является опыт Иркутского университета — издание книги, объединяющей обширное монографическое исследование и публикацию перевода одного эпического памятника<sup>9</sup>. На этот раз бурятский текст не приводится, о чем можно пожалеть (хотя он и был издан в свое время). Как раз для учебных целей двуязычное параллельное издание во многих отношениях было бы весьма полезным. Замечу также, что подстрочные примечания слишком лаконичны. Теоретическая часть книги весьма содержательна и не только успешно выполняет функцию учебного пособия, обстоятельно и широко освещая сложную проблематику изучения «Гэсэра», но и содержит интересные наблюдения и обобщения автора — результат ее собственных многолетних разысканий и раздумий.

<sup>4</sup> Г. М. Василевич, Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.), Л., 1969.

<sup>5</sup> «Эпические песни ненцев». Составитель, автор вступительной статьи и комментариев З. Н. Куприянова, М., 1965.

<sup>6</sup> Заметным вкладом в это изучение являлась докторская диссертация самой З. Н. Куприяновой «Эпические песни ненцев», защищенная в 1966 г. и, к сожалению, до сих пор не опубликованная. Данные об эпосе отражены в соответствующем разделе этнографического исследования: Л. В. Хомич, Ненцы, Л., 1966.

<sup>7</sup> См.: З. Н. Куприянова, Собрание и изучение фольклора народов Севера в советскую эпоху (угро-самодийская группа). Сб. «Языки и фольклор народов Крайнего Севера», «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института, им. А. И. Герцена», т. 383, 1969.

<sup>8</sup> «Еренсей», подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова, Улан-Удэ, 1968.

<sup>9</sup> Н. О. Шаракшинова, Героический эпос о Гэсэре. Учебное пособие для студентов филологического факультета, Иркутск, 1969.

Не свидетельствует ли появление в последние годы чешских фундаментальных изданий эпических памятников о начавшемся в нашей науке новом этапе? Хотелось бы верить, что за названными в обзоре книгами последуют и другие, не менее ценные публикации. Сделать предстоит еще очень много. В недавней своей статье «Сибирская фольклористика и ее задачи»<sup>10</sup> Л. Е. Элиасов называет обширный круг записей эпоса бурят, алтайцев, тувинцев, хакасов, ожидающих своего издания. Автор справедливо подчеркивает необходимость академических изданий текстов, т. е. изданий, возможно более полно охватывающих известные записи, основанных на строго научных текстологических принципах, обязательно двуязычных и снабженных необходимым языковедческим и этнографическим комментарием.

Все большее значение в современном эпосоведении приобретают генетические аспекты. При этом исследования генезиса все шире опираются на выявленные нашей наукой общие типологические закономерности эпического творчества и на изучение художественной специфики эпоса. Выше мы уже говорили о принципиальном значении работ Г. М. Василевича и З. Н. Куприяновой для понимания генетических проблем. Свой вклад в эту проблематику вносят и исследователи бурятского эпоса. В уже названной книге Н. О. Шаракишиновой различные национальные версии «Гэсэра» рассматриваются как самобытные, имеющие свою историю. «Каждый народ создавал свою версию в соответствии с конкретно-историческими условиями его развития» (стр. 68). Разумеется, этот общий тезис нуждается в подробном обосновании и развитии. Ценной представляется сама по себе попытка автора разобраться во взаимоотношениях между отдельными национальными (а также и «областными») версиями «Гэсэра», не прибегая к постулатам миграционизма, а исходя из понимания общих закономерностей эпического творчества.

В другой своей книге Н. О. Шаракишинова, рассматривая основные теории происхождения бурятских улигеров, а также проследившая отражение в них различных общественных формаций, приходит к заключению, что «большинство бурятских улигеров сложилось в эпоху первобытнообщинного строя, причем не в пору его расцвета, а в эпоху упадка, разложения, в пору героической борьбы народа против иноземных захватчиков, наиболее ярко проявившейся в XII—XIV столетиях»<sup>11</sup>. При этом автор признает наличие в улигерах более древних элементов. Возникает в таком случае вопрос, что собой представляло то архаическое целое, которому эти элементы принадлежали. По мнению Н. О. Шаракишиновой, это были лишь «контуры будущего эпоса» (стр. 10). Думаю, что историко-типологический подход позволил бы представить эти «контуры» более определенно. В этом плане интерес вызывают работы знатока бурятского эпоса А. И. Уланова. Основной его труд, в котором рассматриваются генетические проблемы, вышел в 1963 г. и мы, следуя принятым хронологическим ограничениям, не включаем его в свой обзор. Недавно вышла книга того же исследователя, продолжающая и развивающая прежние его идеи<sup>12</sup>. Автор, думается нам, глубоко прав, когда ставит собственно генетические проблемы в теснейшую связь с проблемами содержания и формы эпоса в целом. Попытки ответить на вопросы о происхождении эпоса, извлекая из него лишь отдельные элементы, к тому же не всегда существующие, обречены на неудачу. Работы А. И. Уланова привлекают целеустремленным анализом эпической системы бурят — самобытной, своеобразной и одновременно соотносящейся с другими известными науке эпическими системами. В вопросе о генезисе улигеров А. Уланов и в новой книге занимает свою особую позицию. Его гипотезе нельзя отказать в научной привлекательности и смелости, но, конечно, она остается гипотезой, требующей дальнейшей разработки. «Содержание и форма эхирит-булагатского героического эпоса явно свидетельствуют о том, что этот эпос возник именно у „лесных людей“ (т. е. у охотников и собирателей.— Б. П.). Вот почему он является находкой, „первичным документом“ для исследователя древнего наследия в героическом эпосе, для анализа устнопоэтического творчества доклассового общества» (стр. 23). Он «носит на себе все черты „охотничьего“ эпоса и сохраняет их до наших дней, отражая борьбу женщин и мужчин за господство, борьбу с чудовищами, побратимство с животными, приручение собак, лошадей» (стр. 24). А. Уланов чужда нарочитая архаизация эпоса, он постоянно отмечает в эпосе динамические сдвиги и вместе с тем умело вскрывает черты древности. Стойкость, удивительную сохранность эпоса, его традиционность исследователь справедливо объясняет прежде всего двумя взаимосвязанными факторами: эпическое искусство, имеющее в своей основе по-разному реализуемое требование полного следования традиции, базируется на внутренней прочности системы, но сама эта прочность в конечном счете обусловлена степенью и масштабами сохранения традиций народного быта и социальных институтов, берущих свое начало в первобытнообщинном строе.

Генетические поиски приобретают свою значимость и научную убедительность на фоне более широких исследований истории, художественного содержания, образности, поэтической специфики народного эпоса.

И в этом плане работы последнего пятилетия заслуживают большого внимания.

<sup>10</sup> «Фольклор народов Сибири», «Труды БКНИИ СО АН СССР», № 18, Серия филологическая, Улан-Удэ, 1965.

<sup>11</sup> Н. Ш а р а к и ш и н о в а, Героический эпос бурят, Иркутск, 1968, стр. 11.

<sup>12</sup> А. У л а н о в, Бурятские улигеры (Исполнение, композиция, изображение человека), Улан-Удэ, 1968.

Пожалуй, наиболее разработаны соответствующие проблемы бурятского эпоса. В уже упоминавшейся книге Н. О. Шаракиной «Героический эпос бурят» с большей или меньшей обстоятельностью рассмотрены сюжеты, идеи и образы улигеров, их композиция, поэтический язык и стиль; специальные разделы посвящены отражению в улигерах эстетических воззрений народа<sup>13</sup>, древних идеологий и общественных отношений, хозяйства, быта и пр. Исследователнице удалось не только сделать много ценных наблюдений, но и убедительно показать народный характер улигеров, развеять накопившиеся неверные представления об эпосе, его идеологии и связях с жизнью. При всем том автору подчас недостает взгляда на эпос «изнутри», со стороны собственных только ему специфических закономерностей. Так, на стр. 105—127 Н. О. Шаракина проследивает, как отражены в улигерах охота, рыболовство, скотоводство, земледелие, ремесло и изображены жилище, одежда, пища, предметы домашнего обихода. В качестве квалифицированно и внимательно сделанной сводки обширных и пестрых данных эта часть книги, несомненно, полезна. Но следовало бы учесть, что предметные описания и изображения в эпосе редко присутствуют сами по себе, они «пропущены» сквозь призму своеобразного эпического сознания, они живут в эпическом контексте и обладают некоторыми характерными эстетическими качествами. В частности, предметным описаниям свойственны ситуативность, функциональность и эпическая экспрессивность. Вне учета этих особенностей характеристика «отражений» неизбежно оказывается и неполной, и односторонней, и самое главное — мало проясняет сложный вопрос о взаимоотношении эпоса с действительностью.

В монографии А. Уланова «Бурятские улигеры» привлекает настойчивое стремление ее подняться над традиционно описательным подходом к поэтике эпоса и рассмотреть ее элементы в связи с общим характером эпоса, особенностями эпического историзма, динамикой эпического творчества в целом. Так, метод изображения человека в улигерах ставится в связь «с характером познания, мировоззрения, ступенью общественной жизни, когда еще не было разграничения логического и образного познания» (стр. 57), и соотносится в его генезисе с периодом материнского рода. Такой взгляд, сколь бы ни был он дискуссионным, позволяет А. Уланову заново истолковать ряд особенностей улигеров. Особого внимания заслуживает, в частности, мысль о том, что эпические «общие места» обусловлены прежде всего не техникой исполнения, а коллективностью эпического творчества и вытекающей отсюда «однородностью» содержания и формы улигеров (стр. 62—64). Жаль, что объем книги не позволил автору ни развернуть многие тезисы, ни прокомментировать их на текстовом материале. Впрочем, А. Уланов принадлежит к числу тех ученых, которые предпочитают сжатое, лаконичное изложение и рассчитывают на то, что «о недосказанном пытливые читатели догадаются и „достроят дом“, допоют или дорасскажут улигер» (стр. 5).

Поэтике и истории улигеров посвящены также содержательные статьи М. Тулохонова<sup>14</sup>, С. Чагдурова<sup>15</sup>, Р. Шерхунаева<sup>16</sup>. Первая из них интересна тем, что автор исследует произведение, героем которого является реальное историческое лицо, а не архаический вымышленный персонаж. В связи с этим становится возможным рассмотреть вопрос об эволюции историзма в эпосе, о смене жанров, о возникновении бурятских исторических песен. Весьма содержательна вторая статья, в которой последовательно проводится мысль о том, что эпическое произведение «есть прежде всего определенная художественная структура, состоящая из каких-то специфических, присущих только ему элементов» (стр. 206, 207), и сделана попытка выявить основные уровни (или группы) структурного изучения. Замечу здесь, что структура содержания эпического произведения пока еще известна нам крайне недостаточно и включает такие элементы (подтекст, второй сюжетный план и др.), которые не всегда могут быть выявлены, вопреки утверждениям автора статьи, «через речевую структуру».

Отрадным является выход статей по эпосу других народов Сибири. Надо отметить, в частности, работы В. Е. Майногашевой по хакасскому эпосу. Ей принадлежит содержательный обзор истории собирания, публикации, изучения эпических памятников<sup>17</sup>. Автор стремится строго критически и принципиально оценивать результаты прежних работ, отмечает их недостатки (в частности, случаи искажений подлинно народных текстов, отсутствие подлинно научных публикаций). Можно приветствовать намерение Хакасского института языка, литературы, истории дать научные двуязычные публикации эпических произведений. Две статьи того же автора посвящены хакасскому героиче-

<sup>13</sup> См. также статью: Н. О. Ш а р а к и н о в а, Отражение эстетических воззрений народа (по мотивам бурятских версий «Гэсэра»), сб. «Эстетические особенности фольклора», Улан-Удэ, 1969.

<sup>14</sup> М. Тулохонов, Историческая основа песен о Шоно Батаре, сб. «Бурятский фольклор», «Труды Бурятского ин-та общественных наук», вып. 8, серия филологическая, Улан-Удэ, 1968.

<sup>15</sup> С. Ш. Чагдуров, Речевая структура улигеров как национальная форма искусства (к истории изучения), сб. «Эстетические особенности фольклора», Улан-Удэ, 1969.

<sup>16</sup> Р. А. Шерхунаев, Эстетические воззрения бурят в улигерах, сб. «Эстетические особенности фольклора», Улан-Удэ, 1969.

<sup>17</sup> В. Е. Майногашева, Об изучении героического эпоса хакасов, «Известия СО АН СССР». Серия общественных наук, вып. 1, № 1, Новосибирск, 1967.

скому сказанию «Алтың-Арыг»<sup>18</sup>. В. Майногашева знакомит нас с эпическим сказанием, до сих пор не известным русскому читателю, выявляет в нем архаические черты и мотивы более поздние, устанавливает связь его содержания с внутриплеменными конфликтами.

Нет сомнения, что дальнейшее изучение хакасского эпоса во многом будет зависеть от того, как скоро и на каком научном уровне будет осуществлено его издание.

Работа о шорском эпосе принадлежит А. И. Чудоякову<sup>19</sup>. Статья эта вполне современна и по проблематике, и по подходу к материалу. В ней затрагиваются вопросы структуры сюжетосложения, т. е. ключевые вопросы для понимания эпоса. Очень интересны наблюдения над песнями о героическом сватовстве, изучение которых вообще является принципиально важным, поскольку эта сюжетная тема проходит через народный эпос от его возникновения как вида фольклора до самых позднейших его форм.

\* \* \*

Специального внимания заслуживают работы (и соответствующие разделы монографий и статей) об эпических певцах, их искусстве, «школе», традициях и т. д. Тема эта для современного эпосоведения, несомненно, одна из центральных. Исполнение — не формальный момент в существовании эпоса. Исполнение, равно как и усвоение, заимствование, хранение в памяти, передача от поколения к поколению, все это составляет естественную внутреннюю жизнь эпоса, вне всего этого эпос просто не существует; будучи «записан», он превращается в литературный памятник, утрачивая многие неповторимые свои качества.

В изучении народных певцов и традиций передачи и хранения эпоса велики заслуги «русской школы» фольклористики. Наиболее значительный вклад в эту область эпосоведения за последние десятилетия внесла А. М. Астахова, благодаря усилиям которой наука получила множество точных свидетельств и обобщений, касающихся последних хранителей былинного эпоса. В зарубежной науке широкую известность получили работы М. Парри и А. Лерда об искусстве южнославянских гуслиаров, имеющие принципиальное значение. Бесспорны и достижения в изучении мастеров эпоса народов СССР. При всем том нельзя избавиться от горького ощущения, что сделано непросто мало, что многое непоправимо упущено. Сейчас, когда живое эпическое искусство угасает, работы, основанные на непосредственных наблюдениях за певцами, на рассказах очевидцев, на восстановлении даже отрывочных сведений, чрезвычайно важны. Необходимо зафиксировать как можно больше свидетельств, используя при этом всю современную технику. Столь же важно не ограничиваться, так сказать, эмпирическими задачами, но вести исследование, постоянно выдвигая все новые теоретические проблемы, прибегая к различным экспериментам, используя опыт социологического анализа и т. д.

В сущности, по-прежнему остается загадкой, как овладевает певец эпической традицией, как он ее хранит и развивает. Далеко не все ясно в вопросе о взаимоотношениях памяти и творческого акта в процессе исполнения: идет ли речь о простом воспроизведении выученного текста (с элементами импровизации «по ходу») или о воссоздании всякий раз текста как бы заново.

Столь же недостаточно проясненными остаются вопросы о психологии эпического певца, о его понимании содержания эпоса, о его умении выразить это понимание логически, о власти над ним «эпического сознания» и многое другое.

Работы последних лет по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера содержат немало интересного для уяснения обширного круга всех этих проблем. Здесь можно назвать прежде всего работы, посвященные отдельным сказителям<sup>20</sup>. В них можно подчеркнуть ценные сведения, представляющие общий интерес: о роли семейных традиций в усвоении эпоса, о самом процессе формирования эпического сказителя, о взаимоотношениях между певцами, о роли традиционных составителей эпоса, о самом понятии «плохого» и «хорошего» знания эпоса, о типовых ситуациях, в которых происходило исполнение (а значит и усвоение новыми певцами) произведений, и многое другое. К сожалению, авторы лишены возможности (а в тех случаях, когда она есть, не используют ее) сопоставить тексты «учеников» и «учителей» с тем, чтобы проследить

<sup>18</sup> В. Е. Майногашева, Образ Хуу-Иней, в хакасском героическом эпосе, сб. «Исследования по языку и фольклору», вып. 1, Новосибирск, 1965; е е ж е. Идейное содержание хакасского героического сказания «Алтың-Арыг», «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XII, Абакан, 1966.

<sup>19</sup> А. И. Чудояков, Развитие шорского эпоса в рамках эпического повествования, «Материалы к предстоящей VIII Научной конференции Новокузнецкого педагогического института». Серия филологическая, 1967.

<sup>20</sup> См. Р. А. Шерхунеев, Сказитель Пеохон Петров. Очерк жизни и творчества, Иркутск, 1969; Т. Г. Тачеева, Хакасский хайджи С. П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения), «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XI, 1965; И. Мадасон, Папа Тушмилов, сб. «Бурятский фольклор», Улан-Удэ, 1968; А. Уланов, Пеохон Петров (сто лет со дня рождения), там же; М. Хомонов, Улигеры в исполнении Буры Барнакова, там же; см. также соответствующие разделы книги Н. О. Шаракшиной «Героический эпос о Гэсрпе».

эволюцию. Такого рода анализ может существенно дополнить другие наблюдения и свидетельства.

Сами по себе творческие портреты сказителей, данные в статьях, исключительно интересны. Чего стоит, например, рассказ М. Хомонова об улигершине, который в течение сорока лет жил вдали от дома и, чтобы совсем не забыть улигеры, пел их по ночам для себя в постели. Или воспоминания Папы о том, как он боялся одного сказителя и избегал состязаний с ним и как скучно ему теперь на гулянках, потому что не с кем состязаться в песнопении — теперь все боится его.

В статье Т. Тачевой приводится генеалогия певца (хайджи) Кадышева, которая обрывается на 1760 (!) году. Двухсотлетняя семейная традиция — не редкость среди сибирских сказителей. Такая преемственность и длительность — залог устойчивости прочности и естественности развития эпоса.

В ряде работ последнего времени предприняты опыты обобщенных характеристик сказителей и анализа типовых моментов исполнения эпических песен. Особенно ценно стремление внести в эти характеристики историческое начало. Так, интересно (и спорно) высказанное Г. М. Василевич предположение о первоначальной связи между сказителем и шаманом и даже о совпадении функций того и другого в одном лице, а также мысль о том, что «шаманство в формах камлания наследовало много от форм сказа»<sup>21</sup>. В статье об исполнении улигеров А. Уланов высказывает обоснованное предположение, что «в древнее время они исполнялись, вероятно, только перед охотой или походом» и «главное назначение улигеров — содействие успеху... героев»<sup>22</sup>. Согласно А. Уланову, «исполнение бурятских улигеров шло от практической цели к искусству — состязаниям, исполнению для развлечения, для эстетического удовольствия; от слитности улигершина с коллективом к его выделению из массы, к осознанию личности мастера, *хотя этот процесс еще не завершен у бурят* (курсив мой. — Б. П.); от отношения к слову как к непосредственно действующему началу, к отношению к нему как к средству воздействия (еще недостаточно осознанному)»<sup>23</sup>.

Г. Василевич, А. Уланов и другие исследователи отмечают принципиальную установку сказителей на точное сохранение эпического текста при усвоении и исполнении. «Улигер нельзя сокращать, нельзя его перерабатывать, переизвращать, говорить по-другому, чем сказывали раньше... Это не только неписанный закон, но и критерий оценки исполнения, отношения к сказителю», — пишет А. Уланов в приведенной выше статье (стр. 98). И он же отмечает постоянную и закономерную эволюцию эпоса: «Жизнь, помимо желания улигершинов, вопреки их стремлению сохранить традицию, врывается в организм улигеров» (стр. 101). Вопрос о взаимоотношениях того и другого, о темпах и масштабах перемен требует конкретного изучения, которое, однако, затрудняется недостатком текстов для сравнения. Здесь много мглы бы помочь повстречные записи, записи «по следам» прежних собирателей.

В известной мере на этот вопрос проливает свет статья М. Хомонова<sup>24</sup>. Он сопоставляет мастерство отдельных певцов, стремится выяснить, «как велика их память и эрудиция», насколько они способны к импровизации. Автор приводит вариации формул, сопоставляет различные разработки одинаковых по содержанию мест, выявляет разные трактовки одних ситуаций. В результате ему удается до известной степени подметить индивидуальность певцов, принадлежность их к разным «школам», а также указать возможности и границы их творческого участия в тексте. Однако вопрос о степени устойчивости текста в исполнении одного и того же певца остается за пределами данной статьи.

В названных работах содержится много ценного и свежего материала по вопросу об исполнении эпических песен. Разнообразие исполнительских принципов, скажем, в якутских олонхо, бурятских улигерах, эвенкийских сказаниях, ненецких песнях очевидно. Важнее, однако, то обстоятельство, что в рамках этого разнообразия есть ряд совпадений и параллелей и что дальнейшее сопоставительное изучение может выявить известную типологию эпического исполнительства. Элементы этой типологии тем более важны, что в классических формах эпоса они утрачены, а иногда обнаруживаются в виде слабых следов. Чрезвычайно интересны факты, указывающие на прямое участие слушателей в исполнении улигеров и эвенкийских сказаний, на своеобразный диалог хора и сказителя, а также на случаи формульного реагирования — отклика слушателей. Надо отметить очень интересную статью И. Пухова, показывающую сложный характер исполнения якутских олонхо, исполнения, сочетающего искусство поэтическое с драматическим и даже вокальным<sup>25</sup>. И. Пухов специально останавливается на песенных частях олонхо и характеризует редчайшее искусство олонхоцусов — умение создать «двухголосие», сочетать пение текста с передачей голосов птиц и зверей, способность одновременно петь «голосом героя» и передавать дополнительную звуковую окраску, выражать голосом перемены в содержании олонхо.

<sup>21</sup> Г. М. Василевич, Исторический фольклор эвенков, стр. 8.

<sup>22</sup> А. И. Уланов, Исполнение улигеров, Сб. «Фольклор народов Сибири», стр. 92. Ср. его же, Бурятские улигеры, стр. 7.

<sup>23</sup> А. И. Уланов, Бурятские улигеры, стр. 22.

<sup>24</sup> М. П. Хомонов, О мастерстве улигершина, сб. «Фольклор народов Сибири».

<sup>25</sup> И. Пухов, Характеристика голосом в песнях олонхо, «Полярная звезда», Якутск, 1969, № 4.

Статья эта — лишнее доказательство того, какие ценнейшие наблюдения можно еще сделать в области исполнительства и как они могут по-новому раскрыть перед нами живой народный эпос.

В заключение мне хотелось привести слова из книги А. Уланова, которые можно рассматривать как призыв к возможно более широкой, не терпящей отлагательства, вдумчивой работе над живым (пока еще живым!) эпическим наследием: «Со сбором материалов по эпосу надо спешить: молодое поколение не знает эпических традиций, у него другие интересы, у него имеются возможности в свободное время заниматься спортом, искусством, творчеством. Это поколение эпосом ...интересуется больше всего в плане знакомства с достоянием прошлого. Мы же, фольклористы, должны сохранить все материалы, собрать все об улигерах и их исполнителях не только для науки, но и для извлечения из них всего ценного, всего достойного для будущих поколений»<sup>26</sup>.

Б. Н. Путилов

<sup>26</sup> А. У л а н о в, Бурятские улигеры, стр. 21.

## ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Herausgegeben von Laszlo Földes, Budapest, 1969, 900 S.

В последние годы в мировой этнографической науке наблюдается некоторое оживление интереса к исследованию скотоводческих народов. В результате этих исследований были опубликованы новые работы, однако количество их еще далеко недостаточно. Поэтому появление каждого нового труда, в основу которого положено оригинальный полевой материал, — безусловно большое событие в этой области науки.

Рецензируемый сборник является продолжением издания, начатого девять лет назад<sup>1</sup>, и многим выгодно отличается от предыдущего. Прежде всего широтой охваченных географических регионов и скотоводческих народов, разнообразием тематики, большим вниманием к серьезным теоретическим проблемам. Его авторский коллектив многочислен, ряд статей принадлежит советским исследователям.

Объем сборника довольно велик. Он насчитывает более 900 страниц и состоит из введения, 37 статей, заключений, словника и указателей. Рассмотреть все статьи сборника здесь невозможно, только перечисление их названий и самая краткая аннотация потребовали бы во много раз больше места, чем отводится для журнальной рецензии. Поэтому остановимся только на тех статьях, в которых затрагиваются, на наш взгляд, наиболее важные проблемы.

Подавляющая часть статей второго сборника, впрочем, как и первого, посвящена скотоводческим народам Европы и лишь некоторые — скотоводческим народам Средней и Передней Азии и Африки. Все без исключения статьи насыщены богатым и разнообразным фактическим материалом, в основном мало у нас известным. Многие из впервые публикуемых данных, полученных в экспедициях, могут иметь большое значение при решении теоретических проблем истории кочевого, полукочевого и пастушеского скотоводства.

Интересно в теоретическом плане предисловие редактора книги Ласло Фельдеша. Так, заслуживает внимания его мысль о глубоких исторических связях между пастушеством Европы и скотоводством Азии и Северной Африки. Автор предисловия прав, когда говорит, что такие проблемы, как одомашнение животных, возникновение подвижного скотоводства и т. п. могут решаться только на широком фактическом материале, собранном во всех областях, где происходили эти процессы. Но некоторые его взгляды представляются спорными. Так, Ласло Фельдеш склонен считать, что определенные черты сходства в животноводческом хозяйстве народов Средней Европы и различных областей Азии объясняются главным образом прямыми заимствованиями и миграциями. Так объясняется возникновение «малого кочевничества Европы», происхождение которого связывается с прямыми заимствованиями у средневековых азиатских кочевников в эпоху великого переселения народов. Думается, что этот подход несколько односторонен. Нельзя, конечно, отрицать факторы влияния и заимствований многих элементов хозяйства, скотоводческой терминологии. Но предположение о том, что начало европейскому пастушеству было положено только вторгшимися азиатскими кочевниками, находится в противоречии с известными археологическими данными о развитии животноводства в последледниковое время. Не отрицая возможности различного рода миграций, в том числе и хозяйственно-культурных, следовало бы, думается, уделить также самое пристальное внимание проблемам конвергентного развития хозяйства,

<sup>1</sup> Первый сборник вышел в 1961 г. под названием: «Viehucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa», Budapest, 1961.